

Языковой выбор и идентичность карельской и белорусской молодежи (по данным опросов этнических лидеров) / Ю. В. Литвин, М. В. Кундозерова, С. В. Липницкая, Е. Н. Изергина, Я. С. Шевченко // Научный диалог. — 2020. — № 10. — С. 96—113. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-10-96-113.

Litvin, Ju. V., Kundozerova, M. V., Lipnitskaya, S. V., Izerhina, A. N., Shevchenko, Ya. S. (2020). Language Choice and Identity of Karelian and Belarusian Youth (according to Polls of Ethnic Leaders). *Nauchnyi dialog*, 10: 96-113. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-10-96-113. (In Russ.).

УДК 811.161.3'27+811.511.112'27+159.923.2

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-10-96-113

ЯЗЫКОВОЙ ВЫБОР И ИДЕНТИЧНОСТЬ КАРЕЛЬСКОЙ И БЕЛОРУССКОЙ МОЛОДЕЖИ (ПО ДАННЫМ ОПРОСОВ ЭТНИЧЕСКИХ ЛИДЕРОВ)¹

© **Литвин Юлия Валерьевна (2020)**, orcid.org/0000-0002-2369-4987, научный сотрудник, Институт языка, литературы и истории — обособленное подразделение Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального исследовательского центра «Карельский научный центр Российской академии наук» (Петрозаводск, Республика Карелия), litvinjulia@yandex.ru.

© **Кундозерова Мария Владимировна (2020)**, orcid.org/0000-0001-5423-8709, научный сотрудник, Институт языка, литературы и истории — обособленное подразделение Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального исследовательского центра «Карельский научный центр Российской академии наук» (Петрозаводск, Республика Карелия), maria.vlasova@mail.ru.

© **Липницкая Светлана Викторовна (2020)**, orcid.org/0000-0002-3149-1960, младший научный сотрудник, филиал «Институт языкознания имени Якуба Коласа», Государственное научное учреждение «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси» (Минск, Республика Беларусь), lipnitskayasv@gmail.com.

© **Изергина Елена Николаевна (2020)**, orcid.org/0000-0003-0435-4087, научный сотрудник, Государственное научное учреждение «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси» (Минск, Республика Беларусь), alena.izergina@gmail.com.

© **Шевченко Яна Сергеевна (2020)**, orcid.org/0000-0002-7549-7029, научный сотрудник, Государственное научное учреждение «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси» (Минск, Республика Беларусь), yana010891@yandex.by.

Исследование предлагает новый ракурс анализа языковой и этнокультурной ситуации в Республике Карелия и Республике Беларусь. Новизна исследования видится в том, что с учетом различных исходных параметров — географической дистанции, формы государственного устройства, статуса языка — предлагается сравнить обстановку в двух регионах, в которых обнаруживается общая тенденция, обусловленная доминирующим положением русского языка. Основное внимание уделяется прояснению этнического самочувствия людей, в разной степени вовлеченных в процессы сохранения языка и культуры. Предлагается интерпретация и сравнение причин предпочтения русского языка в сетевом пространстве и в реальной жизни. Статья основана на результатах анкетирования переводчиков интерфейса социальной сети «ВКонтакте», материалах биографических интервью с этническими лидерами, данных наблюдения на этнически ориентированных мероприятиях в рассматриваемых регионах. Выявлено различие в языковых установках и реальных практиках использования активистами карельского и белорусского языков. Определены лингвистические причины (уровень языковой компетенции)

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и БРФФИ в рамках научного проекта № 19-59-04004 и № Г19РМ-059.

и психологический аспект этноязыковой составляющей при выборе доминирующего языка в Карелии и Беларуси.

Ключевые слова: этническая идентичность; этническое самочувствие; карельский язык; белорусский язык.

1. Введение

Традиционно внимание исследователей приковано к фронтирным зонам, к числу которых принадлежит, например, белорусско-русское или российско-финское пограничье. Предметом изучения являются региональные особенности в демографической, языковой, конфессиональной сферах, обрядовая культура по обе стороны, а также идентичность и культурная специфика населения этих территорий.

Авторы данной статьи смещают фокус с «реальных» границ на виртуальные в конкретных этнических и социовозрастных группах. Используется понятие «этнический активист», под которым подразумевается человек, который проявляет инициативу и реализует проекты в сфере сохранения этнического языка и культуры, в том числе используя возможности сети Интернет. Новизна исследования видится в том, что в ходе работы фиксируются схожие и специфичные тенденции развития и модели поведения активистов в отдаленных друг от друга регионах.

Цель статьи — выявление и сравнение индикаторов этнического самочувствия активистов в обоих регионах. Ставятся следующие задачи: охарактеризовать социально-демографический портрет белорусских и карельских активистов; представить мотивацию исследуемых групп к работе по сохранению этнических языков в киберпространстве; рассмотреть причины, по которым возможности белорусско-карельского Интернета используются не в полной мере; выявить наиболее значимые маркеры, влияющие на этническую идентичность и самочувствие активистов в Беларуси и Карелии.

2. Материалы и методы

Для решения поставленных задач использовались анкетирование и биографическое интервью, а также применялся метод включенного наблюдения на одном из этнических мероприятий в Карелии и мероприятиях в Беларуси, опрос участников. В связи с ограничением во времени и небольшим количеством исполнителей проекта был использован принцип триангуляции: одновременное применение нескольких методов. Работа в исследовательской команде позволила снизить субъективность исследователя и повысить валидность данных.

Для переводчиков и руководителей коллективов по переводу интерфейса социальной сети «ВКонтакте» на карельский и белорусский языки была разработана анкета с вопросами. Они касались области образования и квалификации переводчиков, их мотивации к занятиям переводами и возможных перспектив развития языка. Всего было опрошено 12 человек (7 информантов, осуществлявших перевод на карельский язык, 4 — на академический и один — на классический варианты белорусского языка), подробнее см.: [Кундозерова и др., 2020, с. 55].

Эмпирическую базу также составляют материалы биографических интервью с этническими лидерами. Особое внимание уделялось следующим аспектам: эт-

ническое самоопределение; языковые характеристики; вовлеченность в процессы сохранения языка и культуры своей этнической группы; использование сети Интернет и Интернет-ресурсов на белорусском и карельском языке; перспективы развития инициатив по сохранению этнической культуры в двух регионах.

Первоначально мы ориентировались на молодых людей в возрасте от 18 до 35 лет. Однако в ходе сбора данных в Беларуси и Карелии было принято решение отказаться от жесткого ограничения возрастного диапазона. Так, в число опрошенных вошли как 15-летние карелы, так и те, кому исполнилось 42 года (всего пять интервью). Еще пять интервью были взяты у карелов, которые не являются этническими лидерами, однако проявляют интерес к сохранению и развитию языка, участвуют в некоторых мероприятиях.

Метод включенного наблюдения применялся при посещении Форума финно-угорской языковой активности¹ (г. Петрозаводск, 17—18 мая 2019 года). В течение двух дней одним из авторов статьи фиксировалось «поле смыслов», создаваемых участниками в ходе выступлений и дискуссий. На основе записей был составлен перечень смысловых категорий. Под смысловой категорией понимается обобщенное название для ряда событий, реплик — теоретический конструкт, определяемый целью и задачами исследования [Готлиб, 2004, с. 91]. На мероприятии также было проведено анкетирование девяти руководителей этнокультурных учреждений Карелии или их представителей (от расположенного на севере Карелии в г. Беломорск до находящегося в южной части республики г. Олонца). Средний возраст опрошенных составил 44 года, что также подтверждает правомерность отказа от установления возрастных рамок для респондентов в исследовании. Восемь из девяти руководителей этнокультурных учреждений были женщинами. В среднем длительность пребывания опрошенных в общественных организациях составляла девять лет. Вопросы, представленные в анкете, касались роли Интернета в сохранении и развитии языка, ведения переписки и использования интерфейса на карельском языке в социальной сети «ВКонтакте».

В Беларуси опрос был сделан в разных городах страны — Минск, Полоцк, Новополоцк, Несвиж, Бобруйск, Барановичи — среди активистов, которые занимаются проведением и организацией этнокультурных мероприятий в возрасте от 18 до 45 лет, а также людей, заинтересованных в сохранении белорусского языка и культуры. Всего 22 информанта. Материалы были собраны также во время проведения мероприятия в Полоцке — Международного фестиваля «На пути из варяг в греки» (30 августа — 1 сентября 2019 г.), организаторами которого являются люди в возрасте от 18 до 45 лет. Фестиваль стал одним из главных культурных событий в стране. Во время его проведения были опрошены организаторы — четыре человека, участники — три человека, гости — четыре человека.

1 Форум финно-угорской языковой активности был проведен в поддержку Международного года языков коренных народов по проекту SANA 2019. На Форум прибыли более 30 человек, среди которых были руководители и представители общественных финно-угорских организаций, члены Постоянного форума по вопросам коренных народов при ООН, эксперты научного сообщества (представители музея, университета).

Ограничения. Известно, что данные переписей не всегда отражают реальную компетенцию людей в этнических языках или степень использования языка [Grenoble, 2003, с. 31]. Исследование сфокусировано на данных биографических и тематических интервью. В поле зрения авторов — отдельные случаи, при этом предпринимается попытка представить объяснительные модели поведения, имеющие сходства и специфику в двух регионах. Авторы не дают оценку лингвистическим навыкам, а опираются на субъективные ощущения информантов об уровне владения языком своей группы.

3. Обзор научной литературы и этносоциологических данных

Адаптация языковых практик к современным условиям может происходить в различных сферах, в том числе в киберпространстве. Современные онлайн-площадки упрощают взаимодействие и ускоряют обмен информацией, позволяя принять меры к сохранению и распространению языка. Исследователи указывают, что кибермир становится хранилищем этнокультурного наследия и стимулирует представление и достойное позиционирование собственной культуры (языка, традиций, истории) в веб-среде, может вызывать своего рода этноренессанс [Головнев и др., 2018, с. 106]. В связи с этим важными для целей исследования являются публикации по изучению киберэтничности и социальных медиа (см., например, публикации О. А. Бодровой, Г. Ф. Габдрахмановой, А. А. Гладковой, Д. Р. Гимадевой, Б. В. Орехова, А. Korna; С. Hine и др.). Социолингвистический и психолингвистический аспекты функционирования белорусского и карельского языков в интернет-пространстве освещаются в работах С. А. Важник (Важнік), Е. В. Ленкевич (Лянкевіч), Н. Б. Мечковской (Мячкоўская), С. В. Нагурной и др. В рамках статьи ценными являлись труды социолингвистов (например, работы А. А. Бурыкина, Н. Б. Вахтина, А. Е. Кибрика, W. Dressler, R. Wodak-Leodolter и др.).

Прежде чем перейти к представлению результатов, обратимся к данным массовых этносоциологических опросов в рассматриваемых регионах для введения в общий контекст и понимания актуальности рассматриваемой проблематике.

Численность карельского населения в Республике Карелия стремительно снижалась на протяжении второй половины XX века. Уже в 1989 году «титальный» этнос составлял 10 % в общей структуре населения республики, а в 2010 году доля карелов сократилась до 7,4 %. Процент карелов, владеющих карельским языком, составлял 36,8 %, родным его назвали 27 % [О демографических ..., 2010]. Предварительные итоги проведенного в 2019 году этноязыкового мониторинга среди карельского населения (без учета данных по г. Петрозаводску) свидетельствует о снижении доли карелов, хорошо знающих карельский язык, до 29,4 %. Доля лиц, не владеющих языком своей этнической группы, увеличилась незначительно [Современная языковая ситуация ..., 2020, с. 6].

В Республике Беларусь, по данным переписи 1999 года, численность белорусов составляла 8 159 073 чел. (81,2 %), родным языком назвали белорусский 73,7 % респондентов, в повседневной жизни его использовали — 36,7 % [Перепись населения ..., 1999]. Через десять лет произошло снижение двух последних показате-

телей: белорусский язык признали родным 60 % опрошенных, а используют его в повседневной жизни 30 % населения страны [Перепись населения ..., 2009]. Как и у карелов, но в других соотношениях, языковые характеристики белорусов тесно связаны с возрастом — чем старше возрастная группа, тем больше в ней тех, кто назвал белорусский язык родным (20—24 г. — 49,8 %, 40—44 г. — 55,7 %).

В опросе 2019 года впервые был поставлен вопрос об использовании карело-язычного Интернета. Зафиксировано, что значительная часть ответов по использованию этнического языка в сети свидетельствует об отношении к Интернету как к платформе, необходимой для развития карельского языка. Однако только 15 % опрошенных ответили, что изредка используют карельский язык в социальных сетях или для чтения СМИ на родном языке [Современная языковая ситуация ..., 2020, с. 18]. В исследовании 2013 года, проводившемся среди олонечских карелов (носителей ливвиковского наречия карельского языка), также отмечено, что информанты высказали необходимость развития карельского языка в сети Интернет (61,9 %). При этом фактически использование электронных средств массовой информации на карельском языке являлось редким и было характерно для молодых возрастных групп (27,3 % 18—29-летних олонечских карелов ответили, что иногда используют карельский язык в Интернете) [Карельский язык ..., 2013, с. 163—164]. Статистические сведения о сетевом поведении белорусов в настоящее время отсутствуют.

Таким образом, данные массовых социологических исследований свидетельствуют о снижении числа носителей «титulyных» языков и углублении разрыва между этнической идентичностью и признанием родным карельского и белорусского языка в соответствующих регионах. Также видно, что с развитием Интернета карелы видят в нем ресурс, благодаря которому можно сократить указанный разрыв из любой точки мира. Одновременно число тех, кто обращается к такой возможности, остается небольшим.

4. Потенциал сети Интернет в развитии этнических языков и сохранении идентичности

На первом этапе исследования было обращено внимание на инициативы по ревитализации этнических языков в киберпространстве на примере перевода интерфейса социальной сети «ВКонтакте» на белорусский и карельский языки, был проведен опрос переводчиков и активистов [Кундозерова и др., 2020, с. 56]. Так, например, оказалось, что у карелов язык был выучен во взрослом возрасте (в университете), и их основная работа связана с карельским языком и филологией (исследователь карельского фольклора и редактор издательства). Белорусские информанты ответили, что владеют языком с детства, а по роду деятельности они не связаны с языком (преподаватель фармацевтической химии в медицинском университете, провизор, аспирант по направлению фундаментальной медицины, инженер-программист, тестировщик программного обеспечения). Таким образом, карелы являются специалистами по языку, но не носителями, а белорусы, наоборот, — носителями, но не специалистами по белорусскому языку.

Большинство опрошенных переводчиков считает использование интерфейса социальной сети на родном языке действенным или оказывающим положительное влияние на сохранение языка механизмом. Тем не менее в отношении возможности развития карельского или белорусского языков только посредством сетевого пространства были высказаны сомнения.

Среди ответов белорусских и карельских переводчиков отмечается немало аналогичного, прежде всего, по созданию актуального визуального и аудио-контента, мобильных приложений и рекламы на родном языке, популярных и уникальных ресурсов, имеющих практическое значение и способных мотивировать людей изучать этнический язык. Комплекс этих мер, по мнению активистов, может способствовать повышению престижа родного языка, желанию использовать его на работе и дома, с детьми. В ответах карельских и белорусских информантов сохраняется запрос к властным структурам по более глубокому и интенсивному взаимодействию с местным этническим сообществом по сохранению и развитию языка.

На втором этапе исследования внимание было уделено выявлению уровня востребованности переводного интерфейса социальных сетей, равно как и в целом использования языка в сети Интернет, влияния медиа на развитие языка среди карельских и белорусских активистов.

В ходе биографических интервью мы задавали вопрос об использовании интернет-ресурсов на карельском и белорусском языках. Карельскими собеседниками были названы преимущественно обучающие группы, в которых большинство записей представлено на русском языке или записи дублируются на русском и карельском языках (например, более 6 тысяч участников состоит в группе «Карельские пословицы. Karjalan sananpolvet», более 1000 — в группе «Карельскому языку — официальный статус в Карелии»). Востребованность подобных ресурсов в «карельском» сегменте Интернета находит параллели с общероссийскими данными. Для языкового сообщества России, использующего миноритарный язык в сети, характерно незначительное количество постов на миноритарном языке (до $\frac{1}{3}$ от общего количества записей), при этом они преимущественно короткие (не более пяти слов) [Нагурная, 2019б, с. 305].

Оценивая влияние социальных медиа на сохранение и развитие карельского языка, лидеры этнокультурных объединений, участвовавшие в упомянутом выше Форуме финно-угорских активистов, отметили их большое значение. В числе факторов положительного влияния были названы информационная и просветительская роль Интернета, возможность «продвинуть (карельский язык) в молодежную среду», а также то, что посредством использования новых технологий карельский язык может «стать актуальным, современным средством общения». При этом только два человека из восьми ведут переписку на карельском языке, еще один указал, что использует карельский язык в переписке периодически. Два активиста из девяти ответили, что используют интерфейс «ВКонтакте» на карельском языке. Таким образом, видно различие в языковых установках и реальных практиках использования карельского языка.

Материалы биографических интервью подтверждают признание интернет-ресурсов и виртуальных сообществ в качестве одного из механизмов раскрытия

потенциала и развития этнических языков: «Можно было бы внедрять дистанционные курсы по карельском языку и разные формы обучения на карельском языке <...>. Я уповаю на сферу образования. Из семей язык практически ушел. Образовательные проекты очень хорошо реализовывать через интернет» (женщина 1977 г.р., с. Ведлозеро, Карелия). В то же время отмечается малая информированность карельских информантов о работе, которая ведется в данном направлении. Приведем фрагмент интервью с молодыми карелами: «Роль социальных сетей довольно-таки сильна, потому что в интернете можно, скажем, кинуть какую-то идею, если тебя будут поддерживать люди, то она может разойтись вообще по всему интернету и стать вирусной <...>. В самих сетях я очень активен, сейчас я уже жизнь без этого не представляю» (юноша 2005 г.р., с. Ведлозеро, Карелия). На вопрос об использовании интерфейса на карельском языке информант ответил: «К сожалению, нет каких-то таких значимых разработчиков». Женщина 1983 г.р. была удивлена новости о проведенной работе по переводу интерфейса «ВКонтакте» на карельский язык: (Интервьюер) «А вы знаете, что интерфейс «ВКонтакте» переведен на карельский язык. Слышали об этом что-нибудь?» (Информантка) «В смысле переведен?». Отметим, что работа карельских переводчиков сопровождалась информационным освещением процесса и результатов деятельности¹. Однако знал о ней только небольшой круг пользователей в социальной сети.

Предполагается, что иная ситуация должна быть в Республике Беларусь, где белорусский язык является государственным языком. Степень использования этнического языка у белорусских активистов выше, чем у карелов. Определенное значение здесь имеет близость языковых систем белорусского и русского языков и различие карельского и русского языков. По результатам научного исследования венгерского математика и лингвиста А. Корнаи, белорусский входит в число языков, потенциально жизнеспособных в сетевом пространстве [Kornai, 2013]. При этом важно различать представленность языка в киберпространстве и его востребованность. С одной стороны, в Беларуси усилия молодых активистов по увеличению пространства родного языка в социальных сетях имеют больший, чем в Карелии, отклик: «Интернет оказывает влияние, особенно в последние годы. Это особенно актуально для молодых людей. Они читают новости на белорусскоязычных сайтах, сидят в различных белорусскоязычных публикациях в социальных сетях» (женщина, 1990 г., г. Минск). С другой стороны, даже руководители сообществ в социальных сетях признают, что не знают реальный уровень востребованности белорусскоязычных версий социальных сетей: «Насколько они популярны?.. Знаем, что они есть и люди имеют возможность ими пользоваться, постепенно количество людей, которые к ним присоединяются, увеличивается» (женщина 1979 г., г. Полоцк, Беларусь); «Насколько мне известно, белорусским интерфейсом пользуются несколько десятков тысяч человек. Для них я и стараюсь» (мужчина 1991 г.р., г. Бобруйск, Беларусь).

¹ Информация размещалась «ВКонтакте» как в группах («Karjalan Rahvahan Liitto. Союз карельского народа», «Молодые ученые ИЯЛИ КарНЦ РАН», «Радио России – Карелия 102,2 fm», «Петрозаводск говорит»), так и на личных страницах переводчиков.

Специфика «белорусской» ситуации имеет точки пересечения с «карельской» и связана прежде всего с советским подходом в языковой политике.

Накануне «перестройки» стартовые условия для национального возрождения, которое проходило во всех республиках, в Карелии были крайне неблагоприятными [Строгальщикова, 2019, с. 276]. Среди многочисленных негативных факторов особенно следует отметить то, что языком образования с середины 1920-х по (формально) 1956 годы в республике был финский, а не карельский язык. Это привело к замедлению развития письменных вариантов карельского языка и определения графической основы. Так, два из трех наречий карельского языка обрели письменные стандарты только в 1989 году [Нагурная, 2019а, с. 65]. В Карелии ситуация осложнялась периодами обострений отношений между Финляндией и СССР, пострадавшей стороной в которых становилось в том числе карельское население [Строгальщикова, 2019, с. 283]. Активные миграционные процессы в 1960-х годах также способствовали размыванию языковой среды.

В Беларуси статус государственного белорусский язык приобрел в 1920-е годы. К концу второго десятилетия XX века около 90 % опубликованной литературы было на белорусском языке, и более 89 % школ использовали белорусский язык обучения. Белорусский язык стал языком делопроизводства, науки [Васілеўская, 2007, с. 236]. Денационализация общественной и культурной жизни, начавшаяся в 1930-х годах, остановила процесс белорусизации. В 1950—1980-е годы употребление белорусского языка сузилось, он практически был исключен из официального использования. Ситуация изменилась в конце 1980-х — начале 1990-х годов, когда процессы демократизации общества, обретения Республикой Беларусь суверенитета актуализировали языковую проблему и привели к началу возрождения белорусского языка. В 1990 году белорусскому языку в соответствии с Законом о языках, принятым Верховным Советом Беларуси, был присвоен статус государственного языка, что предусматривало его восстановление в сфере служебного пользования и образования. По итогам референдума 1995 года русский язык получил статус государственного в Беларуси. С этого времени белорусский фактически занимает второстепенное значение.

Непоследовательная языковая политика центральных властей, продиктованная геополитическими интересами, миграции и урбанизация, деполитизация этнически до уровня культурных репрезентаций привели к поверхностной инкультурации и усилению русского языка в обоих регионах. Отличия этноязыковой ситуации заключаются в промежутке 20-летней независимой истории стран, разных стратегиях государств и, соответственно, некоторых итогах. Развитие интернет-ресурсов и работа по переводу интерфейсов социальных сетей имеют большой потенциал для усиления позиций карельского и белорусского языков и сохранения этнической идентичности рассматриваемых этносов.

5. Индикаторы этнического самочувствия активистов

Отсутствие системы непрерывной преемственности в образовании на «титულных» языках в прошлом и жесткое административное управление в геополитиче-

ских интересах привело, помимо прочего, к тому, что в повседневной жизни карелы и белорусы стали отдавать предпочтение русскому языку. Это обстоятельство сказывается на самочувствии активистов, вовлеченных в процессы возрождения этнического языка. Лингвистические и психологические причины подобного предпочтения отчетливо выявляются в материалах проведенного нами интервью.

5.1. Языковая компетенция карельских и белорусских активистов

Наши собеседники, родившиеся в последние годы существования советского государства, говорили о барьере в развитии языковых компетенций. Подчеркнем, что нас интересует субъективный взгляд собеседников на причины невосребованности «титulyных» языков.

Для активистов значимо нормативное пространство речевых навыков. Работа в сфере этнической культуры предполагает знание этнического языка. При этом, например, в анкетах на упомянутом выше Форуме в Карелии лишь три информанта отметили, что говорят на карельском языке дома, общаясь с родственниками. Шесть из девяти применяют свое знание языка в этнокультурной работе на нерегулярной основе (например, используют отдельные слова или фразы при оформлении тематических мероприятий). Материалы интервью детализируют анкетные данные: «Да, ну, может быть и хватает <...>. Я знаю карельский бытовоей язык. То есть даже в университете училась, и всегда преподаватель мне говорит, как там в книжках написано <...>. Больше такой бытовоей. Не то что непрофессиональный. И поэтому иногда бывает, что там, если быстро сказать надо, то, конечно, по-русски» (женщина 1991 г.р., Пряжинский р-он, Карелия); «Но я не разговаривала по-карельски. Так иногда что-то. Сейчас я тоже могу сказать, что разговариваю отдельными фразами. Не то чтобы я стесняюсь языка, я стесняюсь своего незнания» (женщина 1983 г.р., Пряжинский р-он, Карелия); «И поэтому, конечно, для меня самое проблемное — это незнание языка <...>. Но вот я уже понимаю более-менее, когда говорят по-карельски, но вот говорить как-то никак не могу... Нет, никак рубеж этот не могу перешагнуть, чтобы говорить на другом языке» (женщина 1975 г.р., Олонецкий р-он, Карелия). Из приведенных выше фрагментов интервью видно, что далеко не все информанты уверены в своих языковых познаниях. Это в том числе влечет за собой боязнь непонимания карелоязычного интерфейса и отказ от его использования.

Карельские этнические лидеры, неуверенные в своих языковых компетенциях, выросли в парадигме «язык — национальная (этническая) принадлежность — этническая общность». Эта триада была сформулирована в период национального пробуждения 1990-х годов и заключалась в том, «чтобы использовать мобилизационную силу языковой составляющей в решении первостепенных проблем» [Клементьев, 2012, с. 149]. Результатом указанной политики стало слияние языка и этничности в восприятии граждан. Молодая карелка из Петрозаводска, бывший лидер одной из карельских организаций, рассуждала: «В языке менталитет народа, характер народа. Я считаю, что народ — это язык прежде всего» (женщина 1981 г.р., г. Петрозаводск, Карелия). Приведенная цитата иллюстрирует, что карельский язык продолжает рассматриваться как инструмент классификации, при-

знак группы. Однако в реальности он «вымывается» из всех сфер жизни. Нехватка языковых компетенций приводит к выбору русского языка у старшего и среднего поколения при общении с младшим в силу простоты понимания друг друга. Чем меньше язык используется, тем сложнее для всех поколений становится общаться на нем, «и отказ от титульного языка будет нарастать как снежный ком» [Вахтин, 2001, с. 15]. Специфика ситуации с карельским языком заключается еще и в том, что он конкурирует не только с русским, но и с близкородственным в языковом отношении финским языком, который одновременно является более востребованным. Различия между языковыми установками и практикой осознается общественными лидерами. В частности, на Форуме финно-угорской языковой активности неоднократно звучал тезис «нет языковому пуризму», сочетаясь с высказываниями вроде «мудрость народа можно понять через язык».

Белорусские активисты или молодые люди, заинтересовавшиеся языком своей этнической группы, также оценивают белорусский язык как основной маркер этничности: «Не забывайте родной язык, чтобы не умереть»; «без языка и культуры не будет нации»; «белорусский язык — это наш генетический код» и др. При этом обращает на себя внимание большая эмоциональная нагруженность высказываний о белорусском языке, включение в контекст моральных оценок и высоких ожиданий от носителя языка: «Я хочу говорить по-белорусски, но боюсь, что скажу неправильное слово — вы не можете оскорбить свой родной язык» (женщина, 1989 г.р., г. Полоцк, Беларусь); «В некоторой степени думаю, что вот это желание не посрамить родной язык неправильным использованием слов и сдерживает людей. И им проще говорить по-русски» (женщина, 1979 г.р., г. Полоцк, Беларусь). Фразы о нежелании «посрамить» или «оскорбить» белорусский язык как причине выбора русского языка в качестве инструмента общения не зафиксированы в интервью с карелами. Можно предположить, что у последних в большей степени проявляется страх неправильно использовать языковые конструкции (ср.: «Бабушка знает, что я все понимаю. Я все понимаю, но говорить я не могу. Я просто боюсь, что меня не поймут»).

Отметим, что молодое поколение (особенно те, кто родился в перестроечные и постсоветские годы) осознает, что владеть белорусским или карельским языком — это способ не только сохранить этнокультурную идентичность, но и быть конкурентоспособными на глобальном рынке: «В эпоху глобализации отличаться от всех благодаря языку и культуре — это способ повысить интерес к нам, к нашей стране» (женщина 1984 г.р., г. Несвиж, Беларусь); «У нас туристический в семье бизнес <...>. Финские туристы приезжают без переводчика, так как моя мама говорит по-фински. Я сейчас тоже учу, стараюсь, финский, карельский» (юноша 2005 г.р., Пряжинский р-н, Карелия).

Одна из проблем расширения сфер использования белорусского языка, которая рондит ситуацию с карельской, — это отсутствие преемственности в системе образования. Число школ с преподаванием белорусского и карельского языка в обоих регионах невелико, оба региона нуждаются в обновлении подходов к преподаванию этнических языков. В структуре высшего образования в Беларуси преподавание на белорусском языке ведется на исторических и филологических факультетах

некоторых высших учебных заведениях. Нехватка языковых компетенций частично компенсируется изучением сетевых ресурсов, преимущественно у информантов из Беларуси: «Интернет является независимым информационным полем, где вы можете узнать больше, чем вы получаете в учебных заведениях и официальных СМИ» (женщина, 1984 г.р., г. Несвиж, Беларусь). В Карелии, где коренные языки можно изучать только на филологическом факультете единственного в Республике университета, собеседники редко используют группы, посвященные карельскому языку и культуре, как альтернативу школьной программе.

Согласно собранным материалам, процесс приобщения русскоязычных белорусов к белорусскому языку проходит в несколько этапов, различных по продолжительности. Для первого этапа характерно осознание того, что человек проживает в Беларуси и не говорит на белорусском языке, используя в повседневном общении русский язык. На втором этапе предпринимаются попытки говорить на родном языке, позже словарный запас увеличивается. Третий этап (собственно, двуязычный) связан с тем, что человек говорит и мыслит на белорусском языке, может свободно переходить с одного языка на другой. Согласно данным интервью, самым сложным является переход на второй этап: «Постепенно этот страх (сказать неправильно. — *Прим. авт.*) исчезает, и через родной язык вы видите другую Беларусь: ах, вот он, журавль, птица и колодец — множество примеров. Не нужно бояться — нужно начать говорить, слова, два, десять и со временем все проще и проще» (мужчина, 1988 г.р., г. Полоцк, Беларусь).

Этапность освоения этнического языка, как у белорусов, у карелов обнаружить не удалось. По крайней мере, переход со второго на третий этап осуществлен у немногих карельских активистов из числа опрошенных карелов. По нашим данным, у карелов овладение этническим языком происходит преимущественно во время обучения в университете: «Я изучала карельский язык в университете, он у меня, можно сказать, выученный язык» (женщина 1979 г.р., г. Петрозаводск, Карелия); «Вообще, к большому сожалению, мама моя с самого детства язык мне не передала. Конечно, в этом я ее не виню. Потому что у нее у самой карельский язык не родной. Она его выучила только в университете» (юноша 2005 г.р., Пряжинский р-он, Карелия). Совершенствование карельского языка ограничено из-за узости круга профессий, представителями которых он активно используется.

Таким образом, при наличии в языковой ситуации двух регионов видимых отличий выявляются некоторые общие закономерности у молодых карелов и белорусов, преимущественно связанные со схожими инструментами языковой политики в прошлом, слиянием языка и этничности. «Вымывание» этнического языка из семьи и школы привело к ослаблению языковых компетенций и, как следствие, к отказу от использования языка в повседневной жизни у среднего и — затем — молодого поколения.

5.2. Психологическая составляющая этнической идентичности

Чувство «языковой неполноценности» оказывает осязаемое воздействие на этническое самочувствие, особенно, у карелов.

На карельских материалах выявляется следующая тенденция: старшее поколение (1930—1950-х годов рождения) может говорить на карельском языке, но не

делает этого, по их мнению, по причине недостаточных языковых навыков: «Чувствую себя карелкой, неполноценной только. Нет, не то что не знаю карельского, я-то прикладываю все усилия для того, чтобы, ну, сколько смогу, настолько и освою» (женщина 1958 г.р., г. Петрозаводск, Карелия); «Да язык — это основной показатель национальности, культуры. Вот у меня нет языка, и я как бы... неполноценный представитель» (женщина 1954 г.р., г. Петрозаводск, Карелия). В их понимании, развитие языковых компетенций «дает право» называть себя карелом.

В высказываниях информантов, родившихся в конце 1980-х годов и позже, прослеживается больший акцент на позитивных компонентах этнической идентичности. Они могут иметь меньший, чем у их родителей, словарный запас, но их «карельскость» в значительной степени основана не на уровне языковых компетенций, а на других критериях, например, критерии места рождения. Проиллюстрируем тезис фрагментом интервью: «Всегда знаю, что я живу на этой земле. А! Ну, хотя, когда я горд был, когда что-нибудь случалось там, событие какое-нибудь торжественное <...>. Гордость была за карельский язык. Я ощущал — да, я тоже карел» (юноша 2004 г.р., Пряжинский р-н, Карелия). О том, что язык становится в большей степени символом этноса, чем средством общения, свидетельствуют предварительные данные мониторинга, проведенного в Карелии в 2019 году. Согласно исследованию, доля карелов, хорошо знающих карельский язык, продолжает снижаться. Одновременно с 22,5 % до 26,5 % выросло число ответов «понимаю только отдельные слова», причем в этой группе высока доля 16—29-летней молодежи — 46,6 % [Современная языковая ..., 2020, с. 5]. Отметим, что в молодежной группе родным языком назвали карельский только 4,1 % опрошенных. Данное наблюдение важно для понимания процессов этнической идентификации — несовпадение родного языка и этничности не всегда приводит к утрате этнической идентичности (респонденты продолжают считать себя карелами, не выбирая родным карельский язык).

Причина комплекса неполноценности у карелов старших возрастных групп была связана с советской политикой ассимиляции. Об этом вспоминали сами информанты или их дети: «А так я представляю, почему многие карелы стеснялись этого, и переходили на русский, и считали, что конкурентоспособность они могут приобрести, только зная хорошо русский язык, получив образование, говоря без акцента, уехав из деревни в город» (женщина 1977 г.р., с. Ведлозеро, Карелия); «И самое смешное, что в этом городке (речь о г. Олонец. — *Прим. авт.*), который населяют преимущественно карелы, они сами себя стеснялись называть карелами, и все говорили: “я — русский”» (мужчина 1981 г.р., г. Петрозаводск, Карелия).

О схожих причинах предпочтения русского языка говорили белорусские информанты: «Преподавание в нашей школе велось на белорусском языке. Стала продолжать учиться — все на русском языке. Если вы говорите по-белорусски — соответственно маркер “из села”. А когда вы переезжаете в город, никто не хочет быть “сельским”» (женщина, 1989 г.р., г. Полоцк, Беларусь).

Предрассудки и комплекс неполноценности из-за принадлежности к «непрестижной» группе привели к кризису идентичности. Нехватка языковых компетенций в связи с распространением русского языка (или представление о недостаточном

уровне владения языком своей этнической группы) ускорила языковой сдвиг. В то же время в ходе интервью было обнаружено, что молодежь перестает воспринимать этнический язык, как язык сельских жителей (у карелов — отчасти в связи с высокой урбанизацией). Данный стереотип может даже замещаться ценностью сельского образа жизни: «Я и живу, что мне очень нравится, на чистом свежем воздухе. Рад, что я не живу в каком-нибудь большом городе <...>. Так я привык тут в деревне. Мы живем очень хорошо. Как можно сказать, как по-старинке» (юноша 2005 г.р., с. Ведлозеро, Карелия); «Родители отговаривали, что оставайся где-нибудь там в городе <...>. Потому что очень много от бабушки передалось и всегда хотелось сохранить и дальше развиваться» (женщина 1991 г.р., Карелия, с. Ведлозеро, Карелия); «...никто не хочет быть “деревенским”. Некоторое время я говорила только по-русски. И как-то позже пришло осознание того, что я живу в Беларуси, есть свой язык, традиции. Я начала больше интересоваться всем этим» (женщина, 1989 г.р., г. Полоцк, Беларусь). Позитивная динамика в изменении отношения людей к этническому языку отчетливо проявляется в Беларуси. Если двадцать лет назад человек, разговаривающий на белорусском языке, ассоциировался с жителем сельской местности, то в настоящее время интересоваться своей этнической историей, говорить на языке своей этнической группы становится все более престижным.

Отличие карельской ситуации от белорусской заключается в отсутствии у карельского языка статуса государственного, что приводит к разным темпам и скорости повышения престижа языка и культуры. Данный факт усиливает кризисные явления в этническом самочувствии карельских активистов. Проиллюстрируем тезис фрагментом интервью с одним из этнических лидеров: «Этот некий кризис в общественном движении карелов связан с тем, что люди подустали и разочаровались <...>. Конечно, мы во многом продвинулись <...>. Но в политике карелы не только не продвинулись, но и отстали». Кризисные явления в этническом самочувствии активистов стали одной из наиболее обсуждаемых тем на Форуме финно-угорских языковых активистов — так или иначе к ней обращались 16 раз. Импульсами для развития дискуссии об их мотивации в работе стали такие фразы, как «многогранность активистов», «делаем для чувства собственного достоинства», «нет востребованности языка», «инициативы принадлежат самым обычным людям: учителям, журналистам, общественникам, дизайнерам» и др. В контексте Форума эти фразы означали сокращение сил активистов, нехватку людей и средств, иногда отсутствие взаимопонимания с органами власти. Схожие причины отказа в продолжении работы называли и переводчики интерфейса «Вконтакте» на карельский язык. Если учесть различия в профессиональной занятости активистов в Карелии и Беларуси — у первых происходит совпадение профессиональной и общественной деятельности, то становится понятным психологическое выгорание у карелов.

6. Выводы

Итак, стремление повысить престиж языка, внедрить его в современную жизнь объединяет белорусских и карельских активистов. Однако, по признанию

исследуемых групп, возможности осуществления задач сохранения и продвижения языка своего этноса только посредством переводов интерфейсов социальных сетей ограничены.

Среди причин малой востребованности белорусско- и карельязычного Интернета были выявлены малая осведомленность карельских информантов о работе по расширению использования карельского языка в киберпространстве, в частности, о переводе интерфейса «ВКонтакте». Двойственная ситуация сложилась в Беларуси. С одной стороны, результаты наших опросов свидетельствуют, что усилия молодых активистов по расширению пространства родного языка в социальных сетях имеют больший, чем в Карелии, отклик. С другой стороны, даже руководители сообществ в социальных сетях признают, что не знают реальный уровень востребованности белорусскоязычных версий социальных сетей.

Анализ полевых материалов выявил два значимых и взаимосвязанных фактора предпочтения русского языка в повседневной жизни активистов в Беларуси и Карелии — языковой барьер и психологическая составляющая. Лингвистические причины обусловлены недостаточным, по представлению наших собеседников, уровнем языковых компетенций. Представление о недостаточном уровне языковых компетенций образует психологический комплекс, особенно выраженный у старшего поколения, что влечет за собой отказ от использования языка. У информантов, родившихся в конце 1980-х годов и позже, может быть меньший, чем у их родителей, словарный запас, но ощущение ими своей «карельскости» или «белорусскости» основано на внеязыковых компонентах.

Чувство «языковой неполноценности» оказывает более широкое воздействие на этническое самочувствие. Кризисные явления в этническом самочувствии отчетливо проявляются у карельских лидеров. Данный факт не в последнюю очередь обусловлен социально-демографическими характеристиками белорусских и карельских активистов. Так, сходны возрастные (средний возраст 40—44 года) и гендерные (преимущественно женщины) показатели. Однако у карелов, в отличие от белорусов, отмечается совпадение профессиональной занятости и общественной деятельности. Важнейшим фактором, ускоряющим процесс расширения использования белорусского языка, является его государственный статус.

Предрассудки и комплекс неполноценности из-за принадлежности к «непрестижной» группе привели к кризису этнической идентичности в обоих регионах. Одновременно среди молодого поколения выявилась тенденция, согласно которой стереотип о кареле или белорусе как о преимущественно сельском жителе утрачивает негативные коннотации.

Несмотря на доминирование русского языка в двух регионах, происходит постепенное повышение имиджа рассматриваемых «титულных» языков — в Беларуси быстрее, чем в Карелии. Работа по привлечению возможностей цифровизации к продвижению этнических языков также повышает их престиж среди молодого поколения. Данный факт может повлиять на жизнеспособность «титулных» языков. Подобная тенденция нуждается во всесторонней и долгосрочной поддержке со стороны официальных органов власти, во взаимодействии с научным и местным сообществом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вахтин Н. Б. Условия языкового сдвига (К описанию современной языковой ситуации на Крайнем Севере) [Электронный ресурс] / Н. Б. Вахтин // Вестник молодых ученых. Серия : Филологические науки. — 2001. — № 1. — С. 11—16.
2. Головнев А. В. Веб-этнография и киберэтничность [Электронный ресурс] / А. В. Головнев, С. Ю. Белоруссова, Т. С. Киссер // Уральский исторический вестник. — 2018. — № 1 (58). — С. 100—108. — DOI: 10.30759/1728-9718-2018-1(58)-100-108.
3. Готлиб А. С. Качественное социологическое исследование: познавательные и экзистенциальные горизонты / А. С. Готлиб. — Самара : Универс-груп, 2004. — 448 с. — ISBN 978-5-9765-2018-9.
4. Карельский язык в России: отчет ELDIA по исследованию конкретной (социолингвистической) ситуации [Электронный ресурс] / Х. Карьялайнен, У. Пуура, Р. Грюнталь, С. Ковалева. — (Studies in European Language Diversity 26.2). — Режим доступа : <https://fedora.phaidra.univie.ac.at/fedora/get/o:314614/bdef:Content/get>. (дата обращения 13.06.2020).
5. Клементьев Е. И. Факторы этнической идентичности на примере карелов Карелии / Е. И. Клементьев // Труды Карельского научного центра РАН. Серия : Гуманитарные исследования. Вып. 3. — 2012. — № 4. — С. 144—152.
6. Кундозерова М. В. Перевод интерфейса социальных сетей как механизм сохранения языка : сравнительный опыт Беларуси и Карелии / М. В. Кундозерова, С. В. Липницкая // Социосфера. — 2020. — № 2. — С. 55—60.
7. Нагурная С. В. Карельская письменность / С. В. Нагурная // Народы Карелии : историко-этнографические очерки. — Петрозаводск : Периодика. 2019а. — С. 65—77. — ISBN 978-5-88170-336-3.
8. Нагурная С. В. Электронная письменность на карельском языке / С. В. Нагурная // Этнокультурные и этнополитические процессы в Карелии от Средних веков до наших дней. — Петрозаводск : КарНЦ РАН (Studia Nordica III), 2019б. — С. 303—312. — DOI: 10.17076/ethno0_28.
9. О демографических и социально-экономических характеристиках населения отдельных национальностей Республики Карелия (по итогам Всероссийской переписи населения 2010 года), табл. 1. [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/results. (дата обращения 19.05.2020).
10. Перепись населения 1999 года. Табличные данные. Национальный состав населения Республики Беларусь. Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://www.belstat.gov.by/informatsiya-dlya-respondenta/perepis-naseleniya/perepis-naseleniya-1999-goda/tablichnye-dannye/natsionalnyy-sostav-naseleniya-respubliki-belarus/> (дата обращения 05.06.2020).
11. Перепись населения 2009. Население Республики Беларусь : его численность и состав [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://www.belstat.gov.by/informatsiya-dlya-respondenta/perepis-naseleniya/perepis-naseleniya-2009-goda/statisticheskie-publikatsii/statisticheskie-sborniki_2/index_545/. (дата обращения 24.05.2020).
12. Современная языковая ситуация у карелов Республики Карелия. Итоги социологического исследования (Отчет подготовлен в Институте языка, литературы и истории обособленном подразделении Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального исследовательского центра «Карельский научный центр Российской академии наук») / С. Э. Яловицына, З. И. Строгальщикова, С. В. Нагурная. — Петрозаводск : Министерство национальной и региональной политики Республики Карелия, 2020. — 24 с.
13. Строгальщикова З. И. Этнические процессы в Карелии в постсоветский период (особенности реализации этнонациональной политики) / З. И. Строгальщикова // Этнокультурные

и этнополитические процессы в Карелии от Средних веков до наших дней. — Петрозаводск : КарНЦ РАН (Studia Nordica III), 2019. — С. 273—302. — DOI: 10.17076/ethno0_27.

14. *Vasileўская Н. У.* Развіццё адукацыі і навукі / Н. У. Васілеўская // Гісторыя Беларусі : у 6 т. Т. 5. Беларусь у 1917 — 1945 гг. — Мінск : Экаперспектыва, 2007. — С. 226—236. — ISBN 985-469-149-7.

15. *Grenoble Leonore A.* Language Policy in the Soviet Union / Leonore A. Grenoble. — Dordrecht ; Boston : Kluwer Academic Publishers, 2003. — 237 p. — ISBN 1-4020-1298-5.

16. *Kornai A.* Digital Language Death / A. Kornai // PLoS ONE. — 2013. — № 8 (10). — e77056. Access mode : <https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0077056>. (дата обращения 14.07.2020).

LANGUAGE CHOICE AND IDENTITY OF KARELIAN AND BELARUSIAN YOUTH (ACCORDING TO POLLS OF ETHNIC LEADERS)¹

© Julia V. Litvin (2020), orcid.org/0000-0002-2369-4987, Researcher, Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Republic of Karelia), litvinjulia@yandex.ru.

© Maria V. Kundozerova (2020), orcid.org/0000-0001-5423-8709, Researcher, Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Republic of Karelia), maria.vlasova@mail.ru.

© Sviatlana V. Lipnitskaya (2020), orcid.org/0000-0002-3149-1960, Junior Researcher, Yakub Kolas Institute of Linguistics Branch, The Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus (Minsk, Republic of Belarus), lipnitskayasv@gmail.com.

© Alena N. Izerhina (2020), orcid.org/0000-0003-0435-4087, Researcher, The Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus (Minsk, Republic of Belarus), alena.izergina@gmail.com.

© Yana S. Shevchenko (2020), orcid.org/0000-0002-7549-7029, Researcher, The Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus (Minsk, Republic of Belarus), [yana010891@yandex.by](mailto: yana010891@yandex.by).

A new perspective on the analysis of the linguistic and ethnocultural situation in the Republic of Karelia and the Republic of Belarus is offered in the study. The novelty of the study is seen in the fact that, taking into account various initial parameters — geographic distance, form of government, language status — it is proposed to compare the situation in two regions, in which a general tendency is found due to the dominant position of the Russian language. The main attention is paid to clarifying the ethnic well-being of people, to varying degrees, involved in the processes of preserving language and culture. An interpretation and comparison of the reasons for the preference of the Russian language in the network space and in real life is proposed. The article is based on the results of a survey of the translators of the *Vkontakte social network* interface, materials from biographical interviews with ethnic leaders, and observation data on ethnically oriented events in the regions under consideration. The difference in linguistic attitudes and real practices of using the Karelian and Belarusian languages by activists was revealed. The linguistic reasons (the level of linguistic competence) and the psychological aspect of the ethno-linguistic component in the choice of the dominant language in Karelia and Belarus have been determined.

Key words: ethnic identity; ethnic well-being; Karelian language; Belarusian language.

1 The study was carried out with the financial support of the RFBR and the BRFFR within the framework of a scientific project № 19-59-04004 и № Г19PM-059.

REFERENCES

- Golovnev, A. V., Belorussova, S. Yu., Kissner, T. S. (2018). Veb-etnografiya i kiberetnichnost' [Web ethnography and cyber-ethnicity]. *Uralskiy istoricheskiy vestnik*, [Ural Historical Bulletin]. 1 (58): 100—108. DOI: 10.30759/1728-9718-2018-1(58)-100-108. (In Russ.).
- Gotlib, A. S. (2004). *Kachestvennoe sotsiologicheskoe issledovanie: poznavatelnye i ekzistentsialnye gorizonty* [Qualitative sociological research: cognitive and existential horizons]. Samara: Univers-grupp. 448 p. (In Russ.).
- Grenoble, Leonore A. (2003). *Language Policy in the Soviet Union*. Dordrecht; Boston: Kluwer Academic Publishers. 237 p.
- Karyalaynen, Kh., Puura, U., Gryuntal, R., Kovaleva, S. (2013). *Karelskiy yazyk v Rossii. Otchet ELDIA po issledovaniyu konkretnoy (sotsiolingvisticheskoy) situatsii* [Karelian language in Russia. ELDIA case study report (sociolinguistic)]. (Studies in European Language Diversity 26.2). Available at: <https://fedora.phaidra.univie.ac.at/fedora/get/o:314614/bdef:Content/get>. (accessed 13.06.2020). (In Russ.).
- Klementyev, E. I. (2012). Faktory etnicheskoy identichnosti na primere karelov Karelii [Factors of ethnic identity on the example of the Karelians of Karelia]. In: *Trudy Karelskogo nauchnogo tsentra RAN. Seriya: Gumanitarnye issledovaniya* [Proceedings of the Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Series: Humanities Studies], 4 (3): 144—152. (In Russ.).
- Kornai, A. (2013). Digital Language Death. *PLoS ONE*, 8 (10). e77056. Available at: <https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0077056>. (accessed 14.07.2020).
- Kundozerova, M. V., Lipnitskaya, S. V. (2020). Perevod interfeysa sotsialnykh setey kak mekhanizm sokhraneniya yazyka: sravnitelnyy opyt Belarusi i Karelii [Translation of the interface of social networks as a mechanism for preserving the language: comparative experience of Belarus and Karelia]. *Sotsiosfera* [Sociosphere], 2: 55—60. (In Russ.).
- Nagurnaya, S. V. (2019a) Karelskaya pis'mennost' [Karelian writing]. In: *Narody Karelii: istoriko-etnograficheskie ocherki* [Peoples of Karelia: Historical and Ethnographic Essays]. Petrozavodsk: Periodika. 65—77. (In Russ.).
- Nagurnaya, S. V. (2019b) Elektronnaya pis'mennost' na karelskom yazyke [Electronic writing in the Karelian language]. In: *Etnokulturnyye i etnopoliticheskie protsessy v Karelii ot Srednikh vekov do nashikh dney* [Ethnocultural and ethnopolitical processes in Karelia from the Middle Ages to the present day]. Petrozavodsk: KarNTs RAN (Studia Nordisa III). 303—312. DOI: 10.17076/ethno0_28. (In Russ.).
- O demograficheskikh i sotsialno-ekonomicheskikh kharakteristikakh naseleniya otdelnykh natsionalnostey Respubliki Kareliya (po itogam Vserossiyskoy perepisi naseleniya 2010 goda)* [On the demographic and socioeconomic characteristics of the population of individual nationalities of the Republic of Karelia (based on the results of the 2010 All-Russian population census)]. Available at: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/results. (accessed 19.05.2020). (In Russ.).
- Perepis' naseleniya 1999 goda. Tablichnye dannye. Natsionalnyy sostav naseleniya Respubliki Belarus'*. *Natsionalnyy statisticheskiy komitet Respubliki Belarus'* [Population census 1999. Tabular data. National composition of the population of the Republic of Belarus]. National Statistical Committee of the Republic of Belarus]. Available at: <https://www.belstat.gov.by/informatsiya-dlya-respondenta/perepis-naseleniya/perepis-naseleniya-1999-goda/tablichnye-dannye/natsionalnyi-sostav-naseleniya-respubliki-belarus/>. (accessed 05.06.2020). (In Russ.).
- Perepis' naseleniya 2009. Naselenie Respubliki Belarus': ego chislennost' i sostav* [Population census 2009. Population of the Republic of Belarus: its size and composition]. Avail-

- able at: https://www.belstat.gov.by/informatsiya-dlya-respondenta/perepis-naseleniya/perepis-naseleniya-2009-goda/statisticheskie-publikatsii/statisticheskie-sborniki_2/index_545/. (accessed 24.05.2020). (In Russ.).
- Strogalshchikova, Z. I. (2019). Etnicheskie protsessy v Karelii v postsovetskiy period (osobennosti realizatsii etnonatsionalnoy politiki) [Ethnic processes in Karelia in the post-Soviet period (features of the implementation of ethno-national policy)]. In: *Etnokulturnye i etnopoliticheskie protsessy v Karelii ot Srednikh vekov do nashikh dney* [Ethnocultural and ethnopolitical processes in Karelia from the Middle Ages to the present day]. Petrozavodsk: KarNTs RAN (Studia Nordisa III). 273—302. DOI: 10.17076/ethno0_27. (In Russ.).
- Vakhtin, N. B. (2001). Usloviya yazykovogo sdviga (K opisaniyu sovremennoy yazykovoy situatsii na Kraynem Severe) [Terms of language shift (Towards a description of the modern language situation in the Far North)]. *Vestnik molodykh uchenykh. Seriya: Filologicheskie nauki* [Bulletin of young scientists. Series: Philological Sciences]. 1: 11—16. (In Russ.).
- Vasilevskaya, N. U. (2007). Razvitse adukatsyi i navuki [Development of education and science]. In: *Gistoryya Belarusi. Belarus' u 1917—1945 gg.* [History of Belarus. Belarus in 1917—1945 gg]. Minsk: Ekaperspektyva. 6/5: 226—236. (In Belarus.).
- Yalovitsyna, S. E., Strogalshchikova, Z. I., Nagurnaya, S. V. (eds.). (2020). *Sovremennaya yazykovaya situatsiya u karelov Respubliki Kareliya. Itogi sotsiologicheskogo issledovaniya (Otchet podgotovlen v Institute yazyka, literatury i istorii obosoblennom podrazdelenii Federalnogo gosudarstvennogo byudzhethnogo uchrezhdeniya nauki Federalnogo issledovatel'skogo tsentra «Karelskiy nauchnyy tsentr Rossiyskoy akademii nauk»)* [The modern language situation among the Karelians of the Republic of Karelia. Results of sociological research (The report was prepared at the Institute of Language, Literature and History of a separate subdivision of the Federal State Budgetary Institution of Science of the Federal Research Center “Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences”)]. Petrozavodsk: Ministerstvo natsionalnoy i regionalnoy politiki Respubliki Kareliya. 24 p. (In Russ.).